

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.985.2

Вячеслав Борисович ШАБАНОВ,

заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), доктор юридических наук, профессор

lawcrim@bsu.by

Борис Валерьевич АСАЁНОК,

начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

boris.asayonok@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ФОРМЫ

PECULIARITIES OF OBTAINING EVIDENTIARY INFORMATION WITH THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE: PROBLEMS OF LEGAL FORM

В статье рассмотрены методологические аспекты использования при доказывании различных форм специальных знаний. Авторы приходят к выводу о том, что классификация на процессуальную и непроцессуальную формы использования специальных знаний в определенной степени уже изжила себя и во многом создает искусственную преграду для поиска новых правовых средств и способов вовлечения в доказательственную деятельность различных видов специальных знаний. В статье предлагается обновленный подход, позволяющий преобразовать считающуюся традиционной классификацию форм использования специальных знаний, в этих целях разработаны новые подходы к классификации форм использования специальных знаний в криминалистике, уголовном и административном процессе.

Some methodological aspects of using various forms of special knowledge in proving a case are considered in the article. The authors come to the conclusion that classifying the use of special knowledge into procedural and non-procedural forms is out-of-date and makes it difficult to search for new legal means and ways of involving various kinds of special knowledge in evidentiary activities. An updated approach to the classification of forms of the use of special knowledge in Criminalistics, Criminal and Administrative Procedure is presented in the article.

Ключевые слова: специальные знания, процессуальная и непроцессуальная формы использования специальных знаний, классификации форм использования специальных знаний.

Keywords: special knowledge, procedural and non-procedural forms of using special knowledge, classification of forms of using special knowledge.

Вопрос о формах использования специальных знаний традиционно развивался в русле наук уголовного процесса и криминалистики и лишь в последнее время стал предметом научного интереса для наук судебной экспертизы (экспертологии), оперативно-розыскной деятельности и административного процесса (административно-деликтного процесса). При этом традиционным и устоявшимся в правовой науке является взгляд, согласно которому формы использования специальных знаний делятся на процессуальную и непроцессуальную. Выражая устоявшееся мнение, следует обратить внимание, что «основанием дифференциации форм использования специальных знаний на процессуальную и непроцессуальную считается получение результата, имеющего доказательственное значение» [7, с. 126]. Это положение поддерживается очень многими (если не большинством) учеными в сфере судопроизводства [9, с. 65-66; 10, с. 6; 11, с. 15-16], а также находит определенное отражение в процессуальном законодательстве (к примеру, заключение эксперта по результату назначенной и проведенной в административном либо уголовном процессе судебной экспертизы является законным источником доказательств). Данный тезис часто встречается в различных правовых источниках и несет в себе якобы основную сущностную характеристику для разделения форм использования специальных знаний. Еще одним важным признаком процессуальной формы признается использование специальных знаний в юридических целях. [9, с. 47]

Встречается еще множество иных научных позиций, но если свести воедино все признаки специальных знаний, относящиеся к процессуальной форме, то они выглядят следующим образом:

основания использования специальных знаний прямо предусмотрены процессуальным законодательством (к примеру, основания для назначения экспертизы или привлечения специалиста к участию в процессуальных действиях);

порядок использования специальных знаний в той либо иной степени регламентируется процессуальным законодательством в широком смысле;

использование специальных знаний подчинено достижению какого-либо юридически значимого результата в рамках конкретного дела (уголовного или дела об административном правонарушении);

результаты использования специальных знаний могут иметь доказательственное значение (заключение эксперта является источником доказательств в уголовном процессе, специалист оказывает содействие в собирании доказательств при производстве следственного действия и т.п.).

Указанные признаки позволяют структурировать процессуальную форму использования специальных знаний с выделением тех либо иных видов, имеющих регламентацию в процессуальном законодательстве. Так, к процессуальной форме использования специальных знаний в большинстве случаев относят:

назначение и производство экспертизы;
участие специалиста при производстве процессуальных действий;

дачу показаний экспертом и специалистом [9, с. 127],

а также заключение специалиста.

Все иные виды использования специальных знаний преимущественно относят к непроцессуальной форме. Так, Н.А. Трифонова относит к непроцессуальным формам консультацию эксперта, справочную деятельность, проведение предварительных исследований при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и предварительные исследования на месте происшествия, техническую помощь эксперта. [11, с. 16] Е.В. Иванова отдельно указывает на осуществление проверки по криминалистическим учетам, изготовление субъективных портретов по заданию оперативных работников, осуществление проверки следов по криминалистическим учетам, обучение приемам и методам работы со следами и обращению с новой криминалистической техникой. [7, с. 126-127]

Вместе с тем с момента появления первых системных исследований специальных знаний до нашего времени накопилась критическая масса исключений, которые сложно однозначно отнести к какой-либо из вышеозначенных форм. Они не соответствуют всем

указанным признакам, хотя и имеют определенные сходные с ними черты.

К таким особым формам использования специальных знаний, как представляется, относятся:

использование результатов экспертиз, не относящихся к судебным (экспертизы, назначенные в рамках таможенного, налогового, природоохранного законодательства и др.);

использование специальных знаний сведущих лиц, приглашенных стороной защиты в уголовном или административном процессе при реализации ее законных полномочий, предусмотренных соответствующим процессуальным законодательством;

использование специальных знаний в рамках оперативно-розыскной деятельности при осуществлении оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» (ст. 24 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]);

назначение и осуществление ревизий и проверок в качестве полномочия органа, ведущего уголовный или административный процесс (к примеру, проверка финансово-хозяйственной деятельности в порядке ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) [5]).

Эти формы использования специальных знаний имеют разные особенности оформления и реализации в доказывании, сферы применения, характер правового регулирования и др. Главное, что все их объединяет, это возможность использования таких форм специальных знаний в доказывании по конкретному делу (уголовному или делу об административном правонарушении). С классическим пониманием процессуальной формы использования специальных знаний указанные исключения рознит следующее:

1) возможность их осуществления либо в самых общих чертах, без особой детализации, указана в соответствующем процессуальном законодательстве, либо такого упоминания о возможности их использования в процессуальном законодательстве нет вообще (процессуальная форма всегда регламентирована процессуальным законодательством), например, право защитника запрашивать мнения

специалистов по вопросам, требующим специальных знаний – в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 6.12 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП РБ) [3];

2) порядок реализации этих форм использования специальных знаний не регламентирован процессуальным законодательством: он предусмотрен либо иным отраслевым законодательством, либо локальными нормативными правовыми актами;

3) эти формы использования специальных знаний изначально могут осуществляться вне связи с конкретным уголовным делом или делом об административном правонарушении: до начала соответствующей процессуальной деятельности в рамках проверочной или иной юрисдикционной деятельности, которая осуществлялась до возбуждения уголовного дела или начала административного процесса; во время приостановления административного или уголовного судопроизводства; при осуществлении законных, но не являющихся процессуальными действий;

4) относимость результатов использования специальных знаний такой формы как критерий оценки доказательств должна дополнительно изучаться и доказываться в рамках производства по уголовному делу или делу об административном правонарушении (специальные знания в процессуальной форме используются только в конкретном деле в рамках административного процесса или уголовного процесса, и их относимость, как правило, не вызывает сомнений);

5) поскольку такие специальные знания (непроцессуальной формы) используются вне административного или уголовного процесса, субъекты их использования не являются участниками административного или уголовного процесса, но орган или должностное лицо, ведущие административный или уголовный процесс, могут использовать результаты применения специальных знаний в доказывании по конкретному делу; также не является участником административного или уголовного процесса сведущее лицо, специальными знаниями которого пользуется защитник или лицо, осуществляющее оперативно-розыск-

ную деятельность. Субъектом же использования специальных знаний в административном или уголовном процессе являются компетентные участники процесса, например эксперт, специалист;

б) результаты использования таких специальных знаний не имеют четко определенной формы в качестве источников доказательств, но могут оцениваться в качестве таковых (к примеру, как иные документы и другие носители информации в контексте ст. 100 УПК РФ или ст. 6.11 ПИК_оАП РФ; в отличие от процессуальной формы, где оформление результатов использования специальных знаний не только указано, но и подробно регламентировано.

Таким образом, изучаемые специфические виды использования специальных знаний имеют существенные отличия от традиционного понимания процессуальной формы их использования.

По нашему мнению, рассматриваемый выше особый порядок использования специальных знаний не может быть отнесен к непроцессуальной форме их использования.

Во-первых, взгляды на саму непроцессуальную форму использования специальных знаний не имеют той степени юридической определенности, которая характерна для формы процессуальной или рассматриваемой нами специфической формы использования специальных знаний. Особенностью непроцессуальной формы даже по названию является то, что ее наполнение (содержание) определяется не через сущностные элементы каких-либо видов деятельности (к примеру, деятельность эксперта, криминалиста в уголовном, административном процессе), а через автоматическое отнесение к такой форме всего, что не имеет соответствующего процессуального оформления, закрепления, значения. В силу этого непроцессуальная форма использования специальных знаний существует как сосредоточение всего, чему не нашлось места в форме процессуальной. Кроме того, само противопоставление «процессуальная форма – непроцессуальная форма» дает основание определять вторую в качестве отрицания первой. Такой подход не является целесообразным для изуче-

ния всех тех видов деятельности, связанных с использованием специальных знаний, которые относятся к непроцессуальным. По определению такая форма использования специальных знаний (непроцессуальная) не дает возможности использовать те либо иные виды использования специальных знаний как представляющие интерес в качестве доказательств. А это далеко не так. К примеру, ст. 6.11 ПИК_оАП РФ позволяет использовать в качестве источников доказательств иные документы, полученные в порядке, предусмотренном законодательными актами, а также акты проверки, составленные в порядке, регламентируемом актами законодательства. И УПК РФ – использования в качестве источников доказательств материалов оперативно-розыскной деятельности (ст. 101). То есть в качестве источников доказательств возможно вовлечение в доказательственную базу широкого перечня результатов использования специальных знаний, которые юридическая наука называет непроцессуальными.

Следствием указанного, как видится, является вывод о том, что классификация на процессуальную и непроцессуальную формы использования специальных знаний в определенной степени уже изжила себя. Такое разделение в юридической теории и практике лишь препятствует эволюционному расширению возможностей использования различных форм использования специальных знаний, имеющих значение для разрешения дел юридического характера.

Таким образом, классификация форм использования специальных знаний на процессуальную и непроцессуальную, как представляется, создает искусственную преграду для поиска новых правовых средств и способов вовлечения в доказательственную деятельность различных видов специальных знаний. С учетом этого, возможно, имеет смысл преобразовать считающуюся традиционной классификацию форм использования специальных знаний, предложив несколько обновленный подход.

Представляется обязательным оставить в основе новой классификации критерий получения доказательственной информации по делу юридического характера. Этот критерий

является стержневым для совершенствования порядка использования специальных знаний в уголовном процессе, административном, гражданском, хозяйственном (арбитражном – для российского законодательства). Однако с учетом того, что использование специальных знаний регламентируется не только процессуальным законодательством, но и иными видами отраслевого законодательства (на уровне как законов, так и подзаконных актов), следует в качестве обобщенного критерия определить наличие или отсутствие закрепления того либо иного порядка использования специальных знаний в законодательстве в целом, а не только в соответствующем процессуальном законодательстве.

С учетом этого целесообразно было бы, как с позиций криминалистики, так и с позиций отраслевых процессуальных наук (уголовного процесса, административного и др.), отойти от понятия «процессуальная форма использования специальных знаний», заменив его термином «предусмотренная законодательством форма использования специальных знаний». Предлагаемая форма использования специальных знаний может быть структурирована по ряду критериев.

Так, по критерию применимости (отношения) к той категории дел юридического характера, находящихся в производстве, по которым осуществляется использование специальных знаний:

а) абсолютно применимые формы – регламентируемые соответствующим отраслевым процессуальным законодательством, которое регулирует использование данной формы использования специальных знаний по конкретному делу (например, заключение эксперта по судебной экспертизе, назначенной в рамках уголовно-процессуального законодательства по уголовному делу);

б) относительно применимые формы – регламентируемые иным процессуальным законодательством кроме того, которое регулирует использование данной формы специальных знаний по конкретному уголовному делу (например, использование в уголовном процессе заключения эксперта по экспертизе, назначенной и проведенной в административном и гражданском процессе при

условии, что результаты таких экспертиз доказывают значимые, т.е. относимые к рассматриваемому уголовному делу, факты);

в) формы, применимость которых следует доказывать при производстве по конкретному уголовному делу (например, результаты таможенной экспертизы, проведенной в порядке, предусмотренном таможенным законодательством, к конкретному уголовному делу, если эти результаты содержат относимую, достоверную и достаточную для доказывания по уголовному делу информацию).

С учетом уровня правовой регламентации предлагается определить:

а) формы, регламентируемые кодексами (процессуального и материального законодательства);

б) формы, регламентируемые иными законодательными актами (если говорить о законодательстве Республики Беларусь, то это законы Республики Беларусь, указы Президента Республики Беларусь, постановления Правительства Республики Беларусь);

в) формы, указанные в законодательных актах и получившие регламентацию (или детально регламентированные) в иных актах законодательства.

Преимуществом данной классификации представляется, прежде всего, то, что она учитывает сам факт наличия иных форм использования специальных знаний кроме тех, что предусмотрены процессуальным законодательством, и все эти формы находятся в едином правовом пространстве. Таким образом, создается правовая возможность устранения либо хотя бы уменьшения искусственных преград для признания допустимыми доказательствами тех результатов использования специальных знаний, которые напрямую не закреплены в соответствующем процессуальном законодательстве.

Разместить все многообразие экспертиз в уголовном, административном, хозяйственном (арбитражном – для российского законодательства) или гражданском процессе нет возможности и даже необходимости. Однако если та либо иная форма использования специальных знаний не имеет процессуальной «прописки», но имеет иную законодательную регламентацию, то это, как видится, не долж-

но автоматически обозначать, что полученные с ее помощью доказательства имеют меньшую доказательственную значимость, чем результаты, полученные в соответствии с процессуальным законодательством, или же вообще не имеют доказательственного значения.

Например, при выявлении признаков нарушения таможенного законодательства используется таможенная экспертиза, регламентируемая Таможенным кодексом ЕАЭС (ст. 389). [4] Порядок ее назначения, проведения и оформления результатов во многом схож с тем, что предусмотрен уголовно-процессуальным и административно-процессуальным законодательством. Содержание проведенного экспертного исследования вообще может быть абсолютно идентичным в силу использования тех же экспертных методик, что и при проведении судебных экспертиз (к примеру, ч. 4 ст. 389 Таможенного кодекса ЕАЭС предусматривает такой вид таможенных экспертиз, как криминалистические, что говорит о единой методике их проведения с судебными экспертизами). Но судом результаты таможенной экспертизы не признаются равными результатам судебной экспертизы лишь на том основании, что они получены вне порядка, предусмотренного уголовно-процессуальным доказательством. Это означает, что заключение таможенного эксперта не оценивается наравне с заключением эксперта (судебного), а относится судом к категории «иных документов». А по уголовному делу назначается судебная экспертиза с идентичным содержанием. Не оценивая относимость, достоверность и достаточность таможенной экспертизы, а основываясь лишь на ее допустимости, суд не только умаляет результаты таможенной экспертизы в качестве источника доказательств по уголовному делу, но и создает предпосылки для увеличения расходов на ведение уголовного процесса, которые в конечном счете будут отнесены на счет конкретных людей.

Предлагаемая классификация, как видится, позволит, кроме прочего, вернуть в сферу научно-практического внимания вопрос о приоритетном значении в процессе доказывания судебных экспертиз по сравнению с иными регламентируемыми законодатель-

ством формами использования специальных (экспертных в данном случае) знаний. Законодательством определяется порядок проведения и оформления более сотни различных видов экспертиз в различных сферах человеческой деятельности: от экспертиз в сфере промышленной безопасности до оценочных экспертиз. И некоторые из них, будучи подвергнутыми правильной оценке в качестве источников доказательств (на предмет относимости, достоверности и достаточности), вполне могли бы привести к уменьшению количества случаев назначения судебных экспертиз.

Также с учетом предлагаемых подходов возможно более корректно определить место проверок и ревизий, назначаемых органами, ведущими уголовный процесс. Наличие только лишь процессуальной и непроцессуальной форм использования специальных знаний сделать этого в полной мере не позволяет. Как уже ранее указывалось, проверка финансово-хозяйственной деятельности регламентируется УПК РБ как полномочие органа предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст.173). Проведение проверок как один из способов собирания доказательств указано в качестве полномочия судьи и должностного лица органа, ведущего административный процесс (п. 3 ч. 2 ст. 6.12 ПИКОАП РБ).

Учитывая традиционную классификацию форм использования специальных знаний, нерешенным является вопрос о том, чем являются результаты проверки финансово-хозяйственной деятельности с точки зрения применения специальных знаний при ее осуществлении. И являются ли они специальными знаниями с точки зрения процессуального законодательства. Как отмечает П.А. Кудрявцев, «не бесспорным с процессуальной точки зрения является и статус лица, непосредственно проводящего проверку или ревизию. Окончательно расставить в данном вопросе точки над *i* вряд ли удастся, поскольку сама «процессуальность» ревизии и документальной проверки – категория спорная. Прежде всего такая ситуация складывается ввиду отсутствия в уголовно-процессуальном законе как самих понятий ревизии и проверки,

регламента их назначения и производства, так и порядка привлечения специалистов для этих целей. Некоторые авторы относят ревизию к непроцессуальным формам участия сведущих лиц, поскольку она не преследует цели получения доказательств, а использует уже имеющиеся результаты. Другие считают такую позицию ошибочной, полагая, что все действия, предусмотренные УПК РФ, носят уголовно-процессуальный характер» [8, с. 9].

Определение процессуальной значимости результатов проверки, в принципе, не вызывает проблем ни в практике, ни в теории. Так, ст. 100 УПК РБ и ст. 6.11 ПИК_оАП РБ в полной мере позволяют приобщать результаты проверок к материалам уголовных дел и дел об административных правонарушениях в качестве источников доказательств (иные документы и другие носители информации). Но это не предreshает вопрос об отнесении проверки к процессуальной форме использования специальных знаний. Да, полномочие на проведение проверки закреплено в качестве такового в соответствующих кодексах, т.е. назначение проверки – это полноценное процессуальное решение. Но порядок ее осуществления регламентируется другими законодательными актами. В Республике Беларусь одним из комплексных правовых актов, регламентирующих проведение проверок, является Положение о порядке организации и проведения проверок, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 (в ред. от 16.10.2017). [6] Его анализ показывает, что объектами проверок во многих случаях становятся финансово-хозяйственная деятельность, выполненные работы, объекты строительства, проектно-сметная документация и другие, которые проверяются на предмет соответствия их требованиям актов законодательства, в том числе требованиям технических нормативных правовых актов. Таким образом, по крайней мере в ряде случаев, объект исследования является двуединым:

1) материальные объекты, документы или деятельность в специфической сфере, содержащей признаки специальных знаний (знания в области науки, техники, ремесла и др.);

2) нормативные правовые акты (в том числе технические), на предмет соответствия которым изучаются проверяемые объекты или деятельность.

Исследуя вопрос о содержании проверок в российском законодательстве, П.А. Кудрявцев указывает на возможность проведения проверок на предмет соответствия приказам и иным предписаниям, соблюдения технологических и производственных процессов и т.п. [8, с. 9] Это свидетельствует о том, что предметом проверки здесь также является соответствие определенных документов, объектов и деятельности правовым актам в определенной сфере.

Получается, что предмет проверки может включать в себя и некие юридические знания. Зная, что вопрос об отнесении юридических знаний к специальным является предметом многолетней научной полемики, в которой преобладают голоса о недопустимости такого подхода, позволим себе лишь кратко указать на некоторые аспекты нашего взгляда на данную проблематику:

1) отрицание того, что отдельные аспекты юридических знаний (хоть иногда и в очень специфических сферах) уже нашли свое место в практике правоохранительной деятельности (к примеру, нормативные правовые акты технического характера, используемые при проведении как проверок, так и экспертиз). Отрицание их наличия в качестве специальных знаний есть отрицание очевидного, что не позволяет дать им полноценную научную и практическую оценку в контексте процесса доказывания;

2) вопрос о правовой (юридической) экспертизе или использования познаний специалиста-юриста не является чем-то абсолютно новым в современных правовых реалиях и даже нашел отражение в контексте права Конституционного Суда Республики Беларусь назначать экспертизу по вопросам, относящимся к конституционному судопроизводству (в контексте статей 3, 23, 40 и 41 Закона Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (в ред. 22.12.2016)) [1] – очевидно, что такими вопросами могут быть и юридические вопросы;

3) вопрос о том, являются ли знания специальными, следует решать не с позиций их специфичности для обыденного или юридического знания вообще, а с позиций профессиограммы или, к примеру, набора компетенций судьи, органа, ведущего административный или уголовный процесс;

4) в контексте соотношения профессиональных (юридических или иных) знаний лица, ведущего административный или уголовный процессы, и специальных знаний в данных видах процессуальной деятельности следует указать на обнаруженную нами разницу в подходах.

Применительно к последнему тезису необходимо обратить внимание, что данный вопрос еще не рассматривался криминалистикой в качестве самостоятельного предмета научного исследования. По сути, пока еще не делается ни в научных, ни в правовых источниках разницы между специальными знаниями, которые используются в административном процессе и в уголовном процессе. И это еще станет предметом отдельного серьезного исследования. Однако на данном этапе позволим себе обозначить те фундаментальные отличия, которые не позволяют ставить знак равенства между специальными знаниями в двух рассматриваемых видах юридического процесса.

Во-первых, административный процесс (в качестве деятельности процессуально-юридического характера) не является основным видом деятельности для большинства органов и должностных лиц, ведущих административных процесс (в отличие от уголовного процесса, где органы уголовного преследования и суд профессионально занимаются именно процессуально-юридической деятельностью). Должностные лица и органы, ведущие административный процесс, в большинстве своем являются субъектами, наделенными полномочиями осуществлять государственный контроль, надзор и регулирование в определенной сфере государственного управления (к примеру, органы государственного пожарного надзора Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь; органы, осуществляющие государственный контроль за использованием и охраной земель;

органы, осуществляющие государственный промышленный надзор, и др.). Они также наделены полномочиями вести административный процесс, но это их полномочие является вторичным, производным по отношению к их основной деятельности. Осуществление государственного контроля, надзора и регулирования в качестве основного рода деятельности требуют от должностных лиц наличия специальных знаний (в том числе в науке, технике, ремесле и др.) в определенной области государственного управления. Именно эти специальные знания позволяют своевременно и квалифицированно выявлять и пресекать административные правонарушения в соответствующей сфере. Таким образом, наличие собственных знаний, относящихся к специальным, является важнейшей характеристикой для многих должностных лиц, ведущих административный процесс. Именно в области применения специальных знаний они выявляют те либо иные виды административных правонарушений (к примеру, санитарно-ветеринарный контроль, таможенный контроль, пограничный контроль, надзор в сфере промышленной безопасности и др.). Можно сказать, что без наличия этих специальных знаний они не были бы компетентными по выявлению и пресечению соответствующих административных правонарушений.

Во-вторых, специальные знания в уголовном процессе применяются преимущественно после его начала – на стадиях возбуждения уголовного дела или предварительного расследования. В административном же процессе основной объем использования специальных знаний приходится на допроцессуальную служебную деятельность соответствующего должностного лица. Таким образом, в административном процессе к его началу уже имеются результаты использования тех либо иных специальных знаний, которые следует только оценить и принять решение о приобретении к материалам дела об административном правонарушении. При этом возможно также использование специальных знаний в процессуальном порядке, предусмотренном ПИКoАП РБ (участие специалиста и эксперта в административном процессе).

К сожалению, в рамках данной публикации нет возможности в полной мере исследовать указанные проблемы, а также обратить внимание на особенности использования специальных знаний защитником, субъектом оперативно-розыскной деятельности. Как нет возможности в полной мере отразить точку зрения на дефинирование и классификацию тех форм использования специальных знаний, которые определяются в качестве непроцессуальных. Вместе с тем с учетом вышеуказанного представляется правильным сформулировать следующие выводы:

существующая и признаваемая традиционной классификация форм применения специальных знаний на процессуальную и непроцессуальную в настоящая время препятствует эволюционному вовлечению в процесс доказывания по делам юридического характера новых видов и направлений использования специальных знаний;

с учетом этого предлагается исключить из видов форм использования специальных знаний процессуальную форму, заменив данное понятие на понятие «предусмотренная законодательством форма использования специальных знаний»;

данная форма может включать в себя различные подсистемы видов в зависимости от критериев применимости (отнесения) к определенной категории юридических дел, а также уровня правовой регламентации;

результатом разработки нового подхода будет широкое использование тех регламентируемых законодательством форм, которые соответствуют критериям относимости, достоверности и достаточности, и избежание (либо хотя бы уменьшение) их дублирования процессуальными формами использования специальных знаний;

спецификой использования специальных знаний в административном процессе является то, что они зачастую используются при выявлении и пресечении конкретных видов административных правонарушений и применяются до начала административного процесса, т.е. являются собственными специальными знаниями в сфере компетенции соответствующего должностного лица, уполномоченного в последующем вести административный процесс по выявленному административному правонарушению.

Библиографический список

1. О конституционном судопроизводстве : закон Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-З (в ред. 22.12.2016) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 (в ред. от 16.10.2017) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Иванова, Е.В. Специальные знания о наркотических средствах в судопроизводстве России / Е.В. Иванова. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 351 с.
8. Кудрявцев, П.А. Ревизия на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с получением вредных последствий: криминалистический и процессуальный аспекты / П.А. Кудрявцев // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 7-11.
9. Лазарева, Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу : монография / Л.В. Лазарева. – М. : Изд-во ООО «Юрлитинформ», 2009. – 224 с.
10. Лоза, Ю.Я. Экспертиза в адміністративному судочинстві України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.07 – адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право / Ю.Я. Лоза. – Київ, 2001. – 19 с.
11. Трифонова, Н.А. Специальные знания в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / Н.А. Трифонова. – Иркутск, 2006. – 24 с.